

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Читайте исторические любовные романы
Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:

Тайная жена

•

Страстная-опасная

•

Нечаянная свадьба

•

Любовный водевиль

•

Сёстры-соперницы

•

Северная роза

•

Виновница страстей

•

Свет мой ясный

•

Крепостная графиня

Елена
Арсеньева

Луэль на
брачном ложе

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Дуэль на брачном ложе / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-109045-6

Генерал Дмитрий Корф женится на очаровательной Машеньке Строиловой. Ничто не препятствует свадьбе, но самое простое условие — чтобы невеста непременно была невинна — красавица выполнить не может... В брачную ночь она пытается выдать за себя служанку, но обман раскрывается. Не видать счастья молодой семье... Вслед за супругом-дипломатом Мария отправляется во Францию — и оказывается в трагической круговерти революции с ее насилием, жестокостью, разрухой. Может быть, все это сможет бросить Марию и Дмитрия в объятия друг к другу, ведь они совсем одни в далекой чужой стране...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109045-6

© Арсеньева Е.А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Последствия любви
непредсказуемы.

Стендаль

Пролог

*О*т Парижа до Марсея всего три дня пути. Но это для тех, кому повезет...

Дорога была — спуски да подъемы. Навстречу тянулись длинные обозы из Прованса, несколько раз огромные телеги чуть не разбили легкую карету. Данила уворачивался молча, с перекошенным лицом и стиснутыми зубами: при малейшем отпоре возницы охотно избили бы кучера богатого экипажа. А еще через полчаса случилось вот что: карета жалобно запищала, потом закачалась и села на «брюхо». Мария, падая с сиденья, успела увидеть в окно, как весело катится прочь колесо.

Через несколько минут выяснилось, что укатились два колеса. Враз.

Какие только чудеса не случаются на дороге — но чтобы сломались одновременно две железные чеки...

Данила осмотрел место слома и обнаружил явственные следы подпилов.

Совершенно ошалев, хватаясь то за одну, то за другую половинку сломанной чеки, он то и дело повторял:

— Ну пуркуа, пуркуа, черт меня задерит?!

Мария, впрочем, не слишком удивилась: она ждала чего-то подобного после вчерашней ночевки в Мон-Нуар, однако Данила, дворовый парикмахер, ставший поневоле кучером, привык во всем винить себя, а потому плюхнулся Марии в ноги и заголосил по-старинному:

— Не вели казнить — вели миловать, барыня-сударыня!

Мария велела время не терять, а распрягать лошадей, чтобы седлать их к верховой езде.

— А добро ваше, а сундуки? Неужто бросим?! — закудахтал Данила.

— Узлов навяжем, навьючим на свободных лошадей! — нетерпеливо бросила Мария.

Да, надо спешить: у марсельского причала уже нетерпеливо пританцовывает на зеленой волне «Сокол» — легкокрылый «Сокол», готовый улететь в родимую сторонку.

Мария направилась к карете: кроме вещей необходимо забрать еще заветную шкатулку.

Вдруг раздался стук копыт, возбужденные окрики — к ним приближались всадники.

За плечами одного из них развевался трехцветный шарф офицера народной полиции.

— Приветствую тебя, гражданка! — весело закричал всадник. У него было дерзкое, лукавое смуглое лицо гасконца. — Вижу, тебя настигла беда в дороге, однако сочувствие выразить не могу: для нас это — большая подмога!

Мария взглянула на него лишь мельком: смотрела не на него: на его отряд. Знакомые лица... Кузнец из Мон-Нуар — его леностью и небрежностью путешественники вынужденно задержались в городишке на два дня — и злая красивая девка с полуобнаженной грудью и заткнутым за пояс пистолетом. Девка сидела верхом по-мужски, ветер, закидывавший вверх ее юбку, обнажал выше колен смуглые точеные ноги, на которых едва удерживались сабо — грубые башмаки из толстой кожи на деревянной подошве. Хотя выглядела она совсем иначе, чем вчера, Мария узнала ее тотчас: это была горничная из гостиницы «Добрый король», с ненавистью и завистью озиравшая платье богатой постоялицы!

Подымая пыль, кружили вокруг кони, теснили путников, так что перепуганный Данила вскричал на ужасном французском:

— Оставьте нас, господа, что вы, с ума сошли?!

Он не успел договорить: кузнец накинулся на него с веревкой; и девка тоже спрыгнула с коня, угрожающе надвинулась: в глазах ее горела даже не ярость — чистое безумие! У Марии ослабли ноги, она покачнулась... Но тут кто-то стиснул ее локоть железными пальцами — и боль вернула силы. Яркие глаза офицера блеснули рядом; голос его зазвенел насмешливо:

— Угомонись, Манон! Ты сделала свое дело — теперь дай слово мне.

Девка возмущенно подалась к нему. От этого движения грудь ее вся выпрыгнула из корсажа. Гасконец только хохотнул и подтолкнул Марию к карете:

— Позвольте побеседовать с вами наедине, мадам.

Спасибо перестал называть ее гражданкой! Мария ненавидела это слово, которое в некогда прекрасной, а теперь во взбесившейся Франции звучало повсюду.

Полумрак кареты, знакомые запахи бархата и духов вернули Марии самообладание. Она небрежно кивнула офицеру:

— Вы можете сесть, сударь.

— Вы так добры, баронесса, — ухмыльнулся он.

Сердце Марии екнуло, однако голос оставался надменным:

— Да, я баронесса Корф. И что же? Мои документы в порядке, на них подпись самого Монморена...

— Да, да, русский посол господин Симолин и наш министр иностранных дел оказались настолько легкомысленными, что поверили в вашу байку: мол, собираясь в дорогу, вы нечаянно, вместе с прочим мусором, сожгли только что полученные документы, согласно которым собирались ехать во Франкфурт с двумя детьми — какими? чьими, позвольте спросить? — а также с камердинером, слугами, горничной и еще бог весть с кем! Отчего же вы изменили свои планы и попросили новые документы — на выезд в Рим в сопровождении одного лишь слуги?

— А какое вам дело, сударь, до того, почему женщина вдруг изменила свои намерения? — заносчиво спросила Мария. — Да, документы сгорели, вдобавок холодному воздуху Франкфурта я предпочла теплый, итальянский.

Офицер глядел сочувственно, кивал понимающе:

— Да, о да, мадам. Клянусь, вы меня убедили, к тому же я снисходителен к женским причудам. Скажите

только, что же нам теперь делать с двумя баронессами Корф?

Сердце Марии снова екнуло. Она с трудом перевела дух.

— Как... с двумя?

— Да так. С вами, баронессой Марией Корф, глаза темные, волосы русые, двадцать девять лет, и еще с одной, по документам — тоже двадцать девять, а на деле — тридцать восемь. И волосы у нее седые, и при ней увалень-муж по фамилии Капет, который ехал под документами этого вымышленного камердинера. Плюс двое детей, верная подруга... Продолжать?

Мария едва заметно покачала головой. И вдруг, встрепенувшись, ухватила за последнюю соломинку:

— Вы сказали — седые волосы? Почему — седые? Тут какая-то ошибка!

— Никакой ошибки, мадам, — усмехнулся офицер. — Волосы той, что ехала на север под вашим именем, волосы Марии... Марии-Антуанетты, которую французский народ справедливо прозвал австрийской волчицей¹, — волосы ее поседели за одну ночь: после возвращения из Варенна, где ее задержали.

У Марии перехватило дыхание.

Варенн! Но ведь это совсем близко от Парижа! Почему же так скоро их схватили? Почему их вообще схватили? Что произошло, что не сработало в тщательно выверенном плане?!

Устроить бегство королевской семьи — дело нелегкое, деликатное и опасное: следовало раздобыть деньги, фальшивые паспорта, карету, кучера, лошадей, ох-

---

¹ Мария-Антуанетта была родом из Австрии.

рану, провизию, нужно было договориться о подставах в дороге, вывезти монархов из Тюильри, доставить их к границе... Документами занималась Мария. Добыть их удалось без особого труда. Деньги раздобыли Жан-Аксель Ферзен, верный рыцарь несчастной королевы, Элеонора Сюзливан, ее наперсница, и графиня Строилова, тетка Марии. Элеонора также заказала у каретника Жан-Луи огромную берлину¹, которая могла вместить и монархов, и свиту. И вот три дня назад одна баронесса Корф со свитой и семейством выехала на север, направляясь во Франкфурт, другая, почти в то же время, — на юг. И что же случилось? Почему заговор провалился?

Мария сжала кулаки — ногти вонзились в ладони. Однако туман в глазах начал рассеиваться.

Чтобы узнать, как это произошло и можно ли что-то исправить, надо поскорее воротиться в Париж. А для начала избавиться от вертопраха-полицейского, нагло развалившегося напротив и не спускающего с нее своих бесстыжих глаз.

— Ну что же, граж-да-нин, — Марию передернуло от отвратительного вкуса этого слова, — вы прекрасно знаете: я русская, я подданная ее величества российской императрицы Екатерины Алексеевны, — а значит, могу себе позволить убеждения иные, чем у вас и ваших сообщников. Не вижу оснований задерживать меня.

— Как бы не так!

Оба содрогнулись, точно при грохоте выстрела: злющая горничная, девка из Мон-Нуара, вскочила на

---

¹ Карета, предназначенная для дальних путешествий.

подножку кареты и теперь стояла, пригнувшись, точно кошка, готовая к прыжку, осыпая обоих такой отборной бранью, что Мария невольно заслонила от нее ладонями.

А гасконец расхохотался:

— Я был так увлечен беседой с тобою, гражданка, что не успел сообщить: именем французского народа мне предписано арестовать тебя!

— Арестовать?! — вскричала Мария — и ей эхом отозвалась девка:

— А-рес-то-вать?! Эту шлюху? Эту поганую аристо?¹ — И, высунувшись из кареты, она завопила: — Братья свободы, не допустим этого! Не допустим!

Мария ахнуть не успела, как ее вытолкнули из кареты и бросили на дорогу. Девка уселась на нее верхом, вцепилась в распутившиеся волосы и закричала:

— Клянусь, она не доедет до тюрьмы! В петлю ее! Повесить!

Словно темный туман окутал все вокруг — это был смрад немых, разгоряченных тел.

— В петлю аристо! — раздавались дикие голоса. — Повесить ее, повесить!

— Опомнитесь, граждане! — вмешался наконец-то офицер. — У меня приказ Конвента. Это соучастница преступления, нам нужны ее показания...

Но в голосе офицера не было твердости, и мятежники не обратили никакого внимания на его слова, только девка, иступленно дергая Марию за волосы, выкрикнула:

---

¹ Пренебрежительное прозвище дворян, аристократов во Франции в описываемое время.

— Показания?! На черта нужны ее показания, если булочник Капет¹ уже схвачен? Ее место у тетушки Луизы², но у той и так много поживы. Зачем ждать? Доставим себе удовольствие! В петлю пособницу австриячки! В петлю!

И снова на Марию накатила тьма, ударя по глазам отдельными вспышками: разинутые в крике рты, связанный Данила, неловко привалившийся к боку кареты, а в глазах его — ужас; люди, опьяненные жаждой крови, спорят, кричат, беснуются; девка, задрав юбку, скачет перед офицером, виляя голыми бедрами, визжит, хохочет, слова сказать не дает и вот уже все хохочут, и офицер тоже смеется, и наконец-то, махнув рукой, грубо хватает девку, лапает, целует... Он согласился, он сдался — и отдал бунтовщикам Марию.

Ее повесили бы сию же минуту, но оказалось, что в спешке не захватили с собой веревки. На счастье, никто даже не вспомнил о пистолетах, из которых можно застрелить «пособницу австриячки».

Сгонять за веревкой в Мон-Нуар вызвалась Мانون, а без нее, словно она была тем кресалом, которое распяляло мужчин, они сделались посмирнее и, оставив в покое пленников, с упоением принялись грабить карету.

Мария с Данилой встревоженно переглядывались. Но пока, к счастью, никто из грабителей не орал

---

¹ Пренебрежительное прозвище короля Людовика XVI, данное чернью во время революции.

² «Луизой» парижане называли гильотину — по имени ее изобретателя хирурга Луи Гильотена.

истошно и торжествующе, не выскакивал на дорогу, прижав к груди заветную шкатулку... Может быть, ее и не найдут? Наконец из разоренной кареты вылез последний крестьянин с пустыми руками и недовольным лицом. Слава богу, шкатулку так и не нашли!

Корзины с припасами тотчас распаковали и невдалеке, на полянке, устроили пирушку.

Мария и Данила снова переглянулись. Ну, если не теперь, то уж и никогда! Прикусив губу до крови, Мария сумела-таки вызвать на глаза подобие слезинок и закричала как могла жалобнее:

— Господин офицер! Во имя неба, выслушайте меня!

Офицер тоже направлялся к раскинутым скатертям. Досадливо оглянувшись на Марию, он процедил сквозь зубы:

— Я ничего не могу сделать для вас, баронесса. Молитесь — пусть Бог дарует вам последнее утешение.

— О том я и прошу! — вскричала Мария. — Позвольте мне помолиться, как того требует моя вера! Мы, русские, православные, и наше последнее обращение к Богу требует уединения и полумрака. Позвольте мне войти в карету, собраться с мыслями, верить Господу душу мою...

В глазах гасконца вспыхнуло любопытство:

— Да, я что-то такое слышал. Вы, русские, — прямые потомки монголов и до сих пор остались идолопоклонниками. Ну что ж, эту последнюю малость я могу вам позволить.

Он рывком поднял Марию, втолкнул в карету и прикрыл за нею повисшую на одной петле дверцу.

Мария рухнула на колени, шепнула, зная, что Данила ее слышит:

— Уповай на Господа! — и с трепетом воззрилась на пол.

Обшивка вся была сорвана, ясно видна заветная планочка — чуть темнее других. Мария нажала на нее связанными руками, чуть повела вперед — тайник открылся.

Какое счастье, что кинжал она положила сверху! Теперь надо подцепить его пальцами и укрепить в щели стоймя, чтобы перерезать веревку. Но едва с рук Марии упала последняя петля, как что-то зашевелилось сзади.

Мария резко обернулась — и похолодела: проклятый кузнец!

Сейчас он был совсем другой, чем возле кареты, когда кричал вместе со всеми: «Повесить! Повесить!» Сейчас ему нужно было совсем другое! Он даже тайника не заметил. Одежда его была с готовностью раскрыта, и Мария с трудом подавила позыв тошноты.

Она занесла кинжал, и выражение тупого изумления и обиды, появившееся на лице кузнеца, едва не заставило ее расхохотаться.

Но времени смеяться не оставалось. В тесноте кареты метать кинжал было неудобно, и все же Мария не промахнулась. С бульканьем хлынула кровь из горла кузнеца, и Мария, одолев отвращение, с силой дернула его за руку, чтобы он упал в карету, а не вывалился наружу.

Брезгливо отерев кинжал о рубаху кузнеца, Мария поднесла острие к груди — и одним махом распоролла себе платье до пояса. Мгновенно содрала его с себя и натянула крестьянскую рубашку и юбку с высоким корсажем, также запрятанные в тайник. Поскорее

вытащила оттуда шкатулку, перекрестилась — и осторожно выбралась с другой стороны кареты.

Веселая компания все еще пировала, и Мария ухитрилась разрезать Даниловы пути.

— Боже, во имя Твое, спаси! — пробормотал он. — Бежим, бежим скорейча!

— Погоди, — остановила его Мария. — Куда в ливрее? Тебе нужна другая одежда. А вот и она идет!

«Она» приближалась к ним на плечах крестьянина, ноги которого заплетались от выпитого; он шел к карете, сопровождая чуть более трезвого офицера: тот, видно, счел, что времени вручить Богу свою душу у пленницы было предостаточно. А может, в опьяненном мозгу зародились те же намерения, что и у кузнеца: мол, Богу — Богово, а тело — мне...

Данила затаился в углу, изготовившись разобраться с простолюдином, а Мария притаилась около дверцы. Выждав, когда офицер сунулся в карету и остолбенел, увидев вместо плачущей женщины окровавленный труп кузнеца, она поймала его за руку и дернула с такой силой, что тот, влетев в карету, растянулся на полу — с кинжалом, приставленным к горлу. К тому же Мария успела выхватить оба его пистолета; один сунула за пояс, как носила Манон, а на другом, заряженном, взвела курок.

Теперь гасконец находился в весьма незавидном положении, но лицо его вновь приняло насмешливое выражение.

— Признаюсь, чего-то в этом роде я все время ожидал, сударыня. Хотя женщина умная и умеющая пользоваться своим умом — большая редкость. А вам вдобавок и силы не занимать. Кто бы мог подумать,